

МОСГОРСПРАВКА

ОТДЕЛ ГАЗЕТНЫХ ВЫРЕЗОК

К-9, ул. Горького, д. 5/6

Телефон 203-81-63

Вырезка из газеты

КРАСНОЕ ЗНАМЯ

г. Томск

2 2010

19 ИЮН 1982

«Как мир велик — всего лишь сцена, как яркое свет — один лишь луч...» Малиновый сумрак пустого зрительного зала ТЮЗа удивительно располагает к подобным лирическим размышлениям. Тем более что положением кресла ты уже заранее развернут лицом к сцене, настроен на нее, и потому большого труда стоит видеть все не своеобразным импровизированным представлением, а рабочими приготовлениями к спектаклю.

— Нравится отдыхать вот так, — приведший меня сюда Юрий Фатеев рад, что его мир понят и принят.

Наш разговор будет о художнике. Он молод — ему двадцать шесть лет. Он увлечен своим делом. В Томском ТЮЗе со дня его открытия. Его оформление последней работы театра — «Мальчиш-Кибальчиш» — отмечалось зрителями как очень удачное. Сейчас работает над оформлением спектакля по пьесе латышского драматурга П. Путныньша «Ночной сторож и прачка».

Почти обязательную скидку на молодость можно отбросить сразу же. Близко общающиеся с ним люди говорят о нем, как о

ХУДОЖНИК

зрелом человеке, которому присущ свой взгляд на вещи, подход к ним.

Его принципы: из-под руки никогда не должна выходить халтура, к своему и чужому труду относиться бережно, уважая мысли и время.

Томская художница Вера Ивановна Котова, в мастерской которой он занимался в детстве, учила беречь кисти, говоря о них, как о «пальцах художника». Память хранит ее старческий голос, почти благоговейное выражение лица человека, не мыслившего своей жизни без искусства. У него, впрочем, отношение к искусству несколько иное — рациональнее, может быть, суше («хочется научиться фотографировать — неэкономно по полдню на пейзаж тратить»), но представить себя вне живописи он тоже не может.

Его привычка — работать ночью. Дождавшись, пока

угомонятся все жители квартиры в общежитии театра, устраивается на кухне. Тишина, изредка ненавязчивая мелодия старого приемника. Ему очень нужны и эта комната, им обжитая и потому ничем не раздражающая во время работы, и эти ночные часы, сосредоточивающие на том внутреннем, к которому нельзя прикоснуться мимоходом. Юрий уже давно запретил себе торопливость, с какой раньше переносил возникающие образы на бумагу: «не рисовать, а думать».

Внешне он молчалив и нетороплив в движениях. «Пожалуйста, законченный портрет флегматика, — смеется Фатеев. — А что мы делали в училище — сейчас никто этому не верит».

А в училище были конкурсы на то, кто «страннее напишет» ансамбль, где Юрий играл на ударных. С тем юношеским увлечением связан и курьез. Руководитель театрального отделения художественного училища, на которое Юрий решил перевестись после армии, сам хороший скрипач, отказался взять его к себе: «Ты музыкант больше, чем художник». Потом он признал свою ошибку. А доказал свою правоту сам Юрий, поступив работать в Томский ТЮЗ.

Друзья-художники недоумевают: театр мешает рисовать, да и что ты имеешь здесь?

Работу, приносящую твор-

ческую радость. Это Фатеев давно уже перестал объяснять. А что касается рисунков...

Театр лишь обогащает его как художника, поскольку его тема переплетается с образами произведений любимых писателей: Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Достоевского, Дюрренматта, Булгакова. Рисунки «Шарманка», «Корабль дураков», «НЛО над городом Глуповым», эскизы «Театр пантомимы», «Мастер и Маргарита» — их можно было видеть на последних молодежных выставках в Доме офицеров и Доме ученых.

Как театральный художник Юрий только начинается, и уже одно это говорит о том, что какие-либо проблемы не могут не возникать. Другое дело, что они возникают реже и разрешаются быстрее, потому что связь Юрия с театром уже крепка, процесс взаимоузнавания, в общем-то, закончен: он — «свой» человек, растущий вместе с театром и на глазах у театра.

Его сегодняшнее сотрудничество с режиссером В. Сливкиным обещает быть таким, о котором Юрий мечтал и думал: гибким настолько, что дает возможность проявиться Юрию как подлинно театральному художнику.

Режиссер и художник — равноправные постановщики спектакля, определяющие его дух и настрой игры актеров. Костюмы, декорации — это тоже элементы общения, несущие актеру и зрителю информацию для размышления. И очень важно это понять, иначе не получится настоящего контакта — ни режиссера с художником, ни зрителя с театром.

О. МОИСЕВА.
Фото А. Морозова.